

соответствовать земному миропорядку, его реальной социальной, политической и бытовой структуре. Проблема создания идеального города, стоявшая перед человеком на протяжении многих веков, начиная с античности, особенно остро обозначилась в эпоху Возрождения, когда мерилom всего стал человек. Более того, она стала одной из центральных тем в искусстве и архитектуре Ренессанса, на которой были сосредоточены виднейшие теоретики эпохи. Это было связано с новыми гуманистическими идеалами, обращением к классическому греко-римскому искусству и архитектуре, открытием перспективы и теориями пропорций в архитектурном проектировании. В итоге теории об идеальном городе ни Т. Кампанеллы («Город Солнца», сочетающий в себе идеи множества мыслителей, от Платона до Мора), ни Ф. Бэкона (в духе зарождающейся научно-технической революции он предложил технократическую утопию – «Новая Атлантида», поставив на первое место всемогущество науки и техники), не были воплощены в силу того, что человек не смог до конца осмысленно представить себе идеал жизни. История философии не является конкуренцией каким-либо градостроительным концепциям, они сосуществуют.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Радионова Л. А. Город с позиций социальной онтологии / Місто. Культура. Цивілізація: матеріали VII міжнар. наук.-теорет. Інтернет-конф., Харків, квітень 2017 р. / [редкол. : М. К. Сухонос (відпов. ред.) та ін.]; Харків. нац. ун-т міськ. госп-ва ім. О. М. Бекетова, 2017. – С. 44–50.

2. Радионова Л. А. Социальная память города как детерминанта ресурсных полей культуры города / Город. Культура. Цивилизация. // Матер. IV международной науч.-теорет. интернет-конф. – Харьков : ХНУГХ им. А. Н. Бекетова, 2014.

3. Радионова Л. А. Город как социальная система: конспект лекций для студентов всех форм обучения, направления подготовки «бакалавр, для всех специальностей) / Харьков. нац. ун-т город. хоз-ва им. А. Н. Бекетова. – Харьков : ХНУГХ им. А. Н. Бекетова, 2015. – 70 с.

Радионова Л. А., канд. филос. наук, доц.,
*Харьковский национальный университет
городского хозяйства имени А. Н. Бекетова, Украина*

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ

Согласно современным социально-философским, политологическим исследованиям самые серьезные проблемы наций и национальных государств чаще всего связаны не с экономикой, политикой или обороной, а с нематериальными, неосязаемыми символами. Все преуспевающие нации обладают набором стержневых символических элементов, которые служат их гражданам своеобразными «критериями истины». Эти символы поощряют лояльность, конкретизируют чувства собственного достоинства и

самоуважения, а также создают этическую основу для общественного участия в национальной обороне, политике, в функционировании социальных и экономических институтов. Всякая нация и всякое национальное государство, следовательно, должны определить для себя (осознанно или неосознанно), с помощью каких символов они хотели бы выразить свои представления о себе как таковых на индивидуальном и коллективном уровне. Иными словами, нации и государства должны ответить для себя на вопросы: «Кто мы?», то есть определить свою национальную идентичность.

В этом контексте для нас важно определить содержание категории: идентичность – это «осознание человеком своей принадлежности к какой-либо социокультурной группе, позволяющее ему определить свое место в социокультурном пространстве и свободно ориентироваться в окружающем мире» [1, с. 50]. Понятие «идентичность» означает основание для национального и культурного тождества, индикатор своего в противоположность чужому. «Национальная идентичность входит в концептосферу национального культурного мира и определяется факторами природной, исторической и этнопсихологической общности» [2, с. 33–34].

На вопрос «Кто мы?» приходится отвечать постоянно и вне зависимости от «статуса успешности» той или иной нации, того или иного государства. Эти вопросы принципиально важны как для возникающих государств, появившихся, к примеру, на карте мира в конце XX столетия в результате распада СССР, так и для государств, давно «укоренившихся» в мировой геополитической структуре. Для тех и для других выработка и реализация национальной идентичности связаны с громадными сложностями. Эти сложности особенно велики в нашем обществе, которое включает в себя несколько этнических, религиозных, лингвистических групп.

Сфера выражения идентичности весьма широка, и это очень деликатная сфера особенно у нас сегодня. Речь может идти об определении «культурного акцента» в системе образования, при проведении праздников, установке памятников, учреждении эмблем и т. д. Всякий раз, когда Президент страны выступает с публичным заявлением или выражает поддержку тому или иному событию общественной жизни, он влияет на восприятие обществом своей идентичности, поскольку у групп, чье мнение не было учтено, как правило, возникают и постоянно растут чувства отчужденности и враждебности. Если чувство национальной идентичности оказывается слабее идентичностей региональных, культурных и пр. – нация распадается, как показывают, в частности, сравнительно недавние события на территории бывшей Югославии.

Проблема самоопределения нации и осознания национальной идентичности восходит – в европейском и, шире, евро-атлантическом контексте – к древней Элладу. Именно древнегреческие мыслители сформулировали «языково-культурный» принцип самоидентификации: всякий, кто говорит по-гречески, – эллин, всякий, кто говорит на ином языке и придерживается иных обычаев, – варвар. После полутора тысячелетий стихийных поисков «национальной идеи» в XIX веке европейские философы выдвинули теорию национальной принадлежности, которая основывалась на синтезе двух

концепций: рационалистическом постулате Ж.-Ж. Руссо о праве народа быть верховным сувереном в политической жизни и представлениях немецких и английских романтиков об иррациональной природе наций (единство по языку, крови, фольклорным традициям). «Национальная идея» XIX века предполагала, что «демократическое государство основано на политическом участии демоса (населения), а национализм обеспечивает то возможное определение состава демоса, при котором он может совпадать, но может и не совпадать с населением государства» [3]. Эта идея, положенная в основу европейских государственных образований, от Венской системы до Германской империи, подразумевала неразрывное единство национальных и государственных институтов.

Иную концепцию национальной идентичности предложил французский социолог Г. Лебон: самоопределение нации не исчерпывается поиском общего языка, фольклора или кровного родства. Тем самым «социология масс» выдвигает на первый план не иррациональные категории национального единства, как это было, например, в философии Фихте, а некие «врожденные представления», то есть бессознательные стереотипы мировосприятия, присущие всем членам данной этнической общности [4].

Национальную теорию Лебона невозможно описать в рамках классического национализма XIX века, ставившего своей целью создание национальных государств, основанных на праве титульной нации осуществлять политическую власть. Лебоновские работы провозглашают качественно новую форму «деполитизированного» и даже «биологического» национализма, к которому гораздо корректнее применить не термин «национальная идея» (которая акцентирует политический аспект), а понятие «национальная идентичность», поскольку речь идет о принципах бессознательной связи личности с этнической группой. Говоря о классификации народов, французский исследователь подчеркивает, что ее основой не могут служить ни язык, ни среда, ни «политические группировки». Такой основой может служить только психология, поскольку именно она показывает, «что позади учреждений, искусств, верований, политических переворотов каждого народа находятся известные моральные и интеллектуальные особенности, из которых вытекает его эволюция» [5].

Что же касается Америки, национальной идентичности которой посвящена книга С. Хантингтона [6], американская идентичность является наиболее показательным примером «психологической идентичности», о которой писал Г. Лебон. «Плавильный тигель народов», как принято называть США, предусматривает приоритет национальной идентичности (самосознания нации в целом) над прочими лояльностями. Однако сегодня в США набирают силу дезинтеграционные процессы, ставящие под сомнение сам факт дальнейшего существования феномена американской идентичности. Америка находится на переломе — и от того, в какую сторону, в конце концов, качнется маятник, зависит будущее не только Соединенных Штатов, но и всей мировой системы в целом. И неслучайно одна из самых оригинальных работ последнего времени, посвященных поиску методологических основ идентичности,

принадлежит перу американкой исследовательнице Сейле Бенхабиб, в судьбе которой неразрывно сплелись культуры Востока и Запада, Европы и Америки.

С. Бенхабиб считает, что в XXI веке общемировой проблемой стал поиск идентичности [7]. И хотя в каждой стране это вызвано сочетанием уникальных обстоятельств, ее главный источник – в идущих процессах глобализации. Включение Украины в глобальные процессы предполагает выстраивание в стране отношений социального партнерства, основанного на паритетности интересов человека, общества и государства, то есть гражданского общества. Безусловно, в нашей стране на формирование гражданского общества определяющую роль оказали революционные события последнего десятилетия. И в этом контексте наиболее остро звучат вопросы формирования не только национальной, но и гражданской идентичности. Западные исследователи говорят, что гражданская идентичность в их странах конструировалась усилиями государственных структур в условиях постоянных войн с соседями («другими», «чужими»). В XIX столетии по мере утверждения в европейских странах принципов либерализма идентичность сопрягалась с содержательными характеристиками политического строя – политическим равенством, свободой, демократией. Однако чрезвычайно обострившиеся проблемы, вызванные и развитием глобализации, и значительным увеличением масштабов международной миграции населения, и трансформацией системы национальных государств демонстрируют, что все не так однозначно. Идеология глобализации – мультикультурализм, опираясь на рассмотрение существующих в разных странах форм взаимодействия традиций и норм, обычаев и права, хоть и испытывая кризис, пытается решить вопрос о том, в какой мере и каким образом возможно совместить притязания культур на охранение своей самобытности с основополагающими либеральными ценностями западной демократии – свободой и равенством всех граждан [7, с. 36, 40, 47]. Причина кризиса, утраты веры в национальный идеал или миссию национального государства кроется в целом комплексе факторов. Среди них ключевое место занимает глобализация важнейших сфер общественной жизни. Глобализация создает все условия для дробления единой национальной идентичности на несколько или множество идентичностей – наднациональной, транснациональной, субнациональной, этнической и конфессиональной. В этих условиях распада национальной идентичности одновременно наблюдается тенденция к возрастанию культурных различий в обществе. Об этом свидетельствует феномен мультикультурализма, в результате чего для многих народов весьма трудным становится ответ на сакраментальный вопрос – «Кто мы?».

Исходя из декларируемых революционных достижений нашей страны: политического равенства, свободы, демократии, каждый гражданин должен иметь возможность сам определить свое место в мире и идентифицировать себя с той или иной социальной общностью. Подобный подход предполагает существенную активность самого действующего лица, актора, который сам определяет свою культурную равно как национальную, религиозную и т. д., принадлежность, идентифицируя себя с определенной социальной группой.

Очень важно, что бы в условиях демократии на смену самоидентификации человека не приходило его принудительное причисление к тому или иному общественному классу или группе, национальной или религиозной общности, эти тенденции мы уже можем наблюдать в нашей стране.

Исторический опыт западных стран показывает, что гражданская идентичность в них во многом совпала с национальной. У нас сложилась иная традиция – государство и в дореволюционный, и в советский период характеризовалось высоким уровнем централизации, блокировавшей возможность самоорганизации граждан, поэтому важно различать национальное и гражданское самосознание. Гражданская идентичность, в отличие от национальной и тем более этнической, не подразумевает единой культуры, одной ценностной ориентации, но предполагает уход от патернализма и нарастание самоорганизации граждан и рост гражданских инициатив. Думается, что установка людей на солидаризацию вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих и есть смысловое ядро гражданской идентичности и гражданства. Формирование гражданской идентичности в высшей школе находится как бы у себя «дома», ибо роль образования в этом процессе трудно переоценить.

Отсюда, гражданская идентичность студенчества как формируемый образовательный объект может рассматриваться по-разному:

- 1) как смысловое наполнение общегражданской идентичности;
- 2) как структурно-методическое формирование гражданской идентичности. Это широкое проблемное поле, включающее в себя вопросы деятельностного подхода к гражданскому образованию; здесь важна роль таких предметов как политология, социология, конфликтология, нацеленных на гражданское воспитание и образование; наличия в уже существующей сетке дисциплин взаимосвязи и взаимодополнительности между разными предметами в сфере формирования гражданских компетенций и т. д;
- 3) с точки зрения особенностей регионов страны. В регионах должны появиться функционирующие институты гражданского общества или достаточное по численности и ресурсам граждански активное население, которое способно инициировать просветительские проекты «снизу».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Садохин А. П. Введение в межкультурную коммуникацию. – М. : Омега, 2009. – 189 с.
2. Зинченко В. Г. Словарь по межкультурной коммуникации: понятия и персоналии / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе, Г. П. Рябов. – М. : Флинта; Наука, 2010. – 136 с.
3. Линц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократия // Полис, 1997. – № 5. – С. 9 – 14.
4. Фененко А. «Национальная идея» и «национальная идентичность» в произведениях Гюстава Лебона // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. Сборник научных трудов. Воронеж, 2002.
5. Лебон Г. 2017 Психология народов и масс / Г. Лебон Издательство: АСТ, Neoclassic Серия: Эксклюзивная классика. – М., 2017. – 240 с.

6. Хантингтон С. Кто мы? : Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон ; Пер. с англ. А. Башкирова. – М. : ООО «Издательство АСТ» : ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с.

7. Бенхабиб Сейла Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Сейла Бенхабиб ; Пер. с англ. ; под ред. В. И. Иноземцева. – М. : Логос, 2003. – 350 с.

Садовников О. К., канд. филос. наук, доц.
Харьковский национальный университет городского хозяйства имени А. Н. Бекетова, Украина

МИФОЛОГИЗАЦИЯ В ОКОЛОНАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Развитие производительных сил человечества, научно-технический прогресс, превращение науки в могущественную интеллектуальную потенцию материального производства и всей общественной жизни, – все это, несомненно, укрепляет позиции научно-философского мировоззрения, способствует его обогащению, распространению. Можно признать, что наука – это совокупность эволюционирующих доктрин, постоянно подвергаемая критическому анализу и обязанная интегрировать новые факты, возникающие ежедневно. Наука непрерывно обновляется, и принятие той или иной доктрины возникает в результате свободного столкновения идей, суждений независимых умов, основанных на знании существующих в данный момент фактов и руководствующихся критериями научного мышления при определенном влиянии субъективного фактора.

Понятно, что классические или традиционные представления об объективном восприятии науки в настоящее время подвергаются ревизии. Наука при ее богатых возможностях не всегда в состоянии моментально ответить на многие вопросы, которые она же и ставит. Отвечая на многие глобальные вопросы, наука часто оказывается совершенно бессильной при необходимости решить проблемы, касающиеся личностного бытия конкретного человека. Вследствие этого возникает некоторое недоверие к науке как к всеохватывающей силе в познании действительности, а это вызывает необходимость дополнения научных представлений различными ненаучными или иррациональными представлениями для восполнения пробелов, оставленных наукой. Параллельно с развитием идей о господстве науки происходит формирование антисциентистских умонастроений, идеологий «технического пессимизма», красноречивая формула которого – «великий отказ» – была сформулирована Г. Маркузе.

Понятно, что человек воспринимает научные знания в процессе воспитания, образования, трудовой деятельности, и набор знаний отдельного индивида зависит от необходимости применения их для удовлетворения личных потребностей и интересов. Разветвленность науки и богатейший арсенал знаний, накопленный человечеством, обширность современного научного потенциала не дают возможности отдельной личности проявить себя